

The background of the book cover is a painting of a narrow Venetian canal. Several gondolas are visible, with one in the foreground being particularly prominent. The water is calm, reflecting the colorful buildings that line the canal. The buildings are in various shades of yellow, orange, and red, with some having white accents. The overall style is painterly and atmospheric.

КАРЛО ФРУТТЕРО
ФРАНКО ЛУЧЕНТИНИ

— ∞ —

*Венецианский
роман*

Венеция, тайна и мужчина,
которого невозможно забыть

Карло Фруттеро
Франко Лучентини
Венецианский роман
Серия «Акценты (Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74361796

Венецианский роман: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-34691-8

Аннотация

Ноябрь. В туманной, дождливой Венеции встречаются двое: потрепанный жизнью экскурсовод мистер Сильвера и безымянная героиня – богатая и знатная молодая дама, которая занимается розыском старинных картин для аукционов. Несмотря на разницу в возрасте и положении, между ними вспыхивает страстный роман. Однако эта история не только о любви: героиню мучает тайна, которую хранит мистер Сильвера. Его удивительная образованность и почти мистическое знание Венеции наводят на мысль, что он прожил не одну жизнь, а его прошлое и настоящее напрямую связаны с библейской легендой об Агасфере, обреченном на вечные скитания. Так кто же он, этот мистер Сильвера?

Роман написан в изысканном интеллектуальном стиле, который критики называли «вагнеровским мотивом, исполненным моцартовскими руками». Авторы с присущим им блеском

описывают мир туристов и аристократии, создавая «интересную выборку человечества». Жанр романа можно охарактеризовать как детектив, хотя здесь нет трупов, а есть только подделка картины для обмана таможи, и расследование касается не столько этого преступления, сколько загадки человеческой личности.

Блестящий роман, после прочтения которого вам захочется немедленно отправиться в Венецию!

Содержание

I. Когда мистер Сильвера наконец решается...	7
1	7
2	15
3	23
II. Дубовая дверца вделана в узкий фасад...	31
1	31
2	41
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Карло Фруттеро,
Франко Лю Чентини
Венецианский роман**

Carlo Fruttero and Franco Lucentini
L' AMANTE SENZA FISSA DIMORA

Copyright © 1986 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A.,
Milano

Copyright renewed © 2019 Mondadori Libri S.p.A., Milano
All rights reserved

Издание подготовлено при участии литературного агент-
ства *ELKOST Intl. literary agency.*

Перевод с итальянского Лидии Иорданской под редакцией Игоря Мельчука

© Л. Иорданская, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

I. Когда мистер Сильвера наконец решается...

1

Когда мистер Сильвера наконец решается ослабить ремень безопасности и, перегнувшись через соседей, заглянуть в иллюминатор («*Look, look, Mr. Silvera!*»¹), самолет уже лег на крыло – Венеция исчезла, и он видит лишь далекий кусочек моря серо-стального цвета и рядом большую алюминиевую трапещию.

– *The lagoon!* – дружно кричат туристы его группы и двух

¹ Смотрите, смотрите, мистер Сильвера! (англ.)

других групп, которыми заполнен рейс Z114. – *La lagune!*
*A laguna!*²

Для них важнее назвать, чем по-настоящему увидеть, город, храм, статую, фрески, водопад, остров и все земли и воды, за посещение которых они заплатили. *Look, look*, Колизей, Сикстинская капелла, пирамиды, Пизанская башня, лагуна... Они произносят эти названия как заклинания, словно хотят хоть на несколько мгновений вызвать к жизни воображаемые объекты. Человек пять-шесть, конечно, пытаются навсегда удержать в памяти виды лагуны – с помощью своих кинокамер и фотоаппаратов.

Равнодушный к восторгам туристов, мистер Сильвера устраивается поудобнее в кресле, вытянув длинные ноги в проход между сиденьями; на его лице светится автоматическая доброжелательная улыбка. Сильвера – мужчина лет сорока, высокий и худой, с четким профилем, словно отчеканенным на старинной монете; с чуть сгорбленными плечами спортсмена – например, бывшего теннисиста или шахматиста, привыкшего склонившись сидеть над столом, размышляя, куда ему двинуть слона. Его изящные и нервные руки наводят на мысль о покере или рулетке, а также об умелых прикосновениях к фарфору, пергаменту и музыкальным инструментам или к женским чулкам, шелку, кружевам и тугим застежкам ожерелий.

Это человек явно необычный, и с ним плохо совместима

² Лагуна! (англ., фр., порт.)

его профессия – слишком уж мелкого калибра она для него. Всего лишь гид. Сопровождает и развлекает туристические группы. Обычно на такую работу берут людей помоложе. У одной из двух других групп, которые летят этим же рейсом, гид – все время смеющаяся девушка, а у второй – коренастый, крестьянского вида парнишка с русым чубом, нелезаящим на глаза.

Сильвера принял свою группу сегодня утром в 6:15 перед зданием «Империял Турс», лондонского агентства путешествий, – хоть какая-то работа на несколько дней. Поездки на автобусе в аэропорт Хитроу ему хватило, чтобы познакомиться со всеми двадцатью восемью туристами, точнее, чтобы распределить их по отделениям своей обширной памяти, привыкшей мгновенно классифицировать информацию. Обычные люди, нормальная клиентура этого агентства: пенсионеры, владельцы маленьких магазинчиков, мелкие служащие, мастера-ремесленники; всегда одни и те же национальности: больше всего англичан и французов, потом латиноамериканцы и канадцы, несколько скандинавов, два ямайца, два индийца, один португалец с дочерью-подростком, которая не сводит с мистера Сильверы своих больших черных глаз. И фамилии всегда одни и те же: Джонсон, Торрес, Перейра, Петерсен, Сингх, Дюран...

Рейс Z114 уже совершил две посадки, в Брюсселе и в Женеве, подбирая другие тургруппы. Кроме того, в Женеве в самолет вошли три пассажира из списка ожидания, чьи рей-

сы в Венецию и Афины были ранее отменены. Два греческих бизнесмена и итальянка, которая теперь сидит в том же ряду, что и Сильвера, с другой стороны от главного прохода.

Широкобедрая стюардесса быстро приближается, собирая последние пластиковые стаканчики, и мистер Сильвера, поджав вытянутые ноги, улыбается ей. Но ее лицо по-прежнему хранит недовольное выражение, – проблемы в личной жизни? Более вероятно, воспоминания о профсоюзных дразгах.

Сильвера расправляет плечи и слегка оживляет свою автоматическую улыбку – и тут итальянка с другой стороны прохода улыбается ему в ответ. «Прошли времена, – говорят друг другу их глаза с выражением лукавой многоопытности, – когда стюардессы относились к пассажирам с таким же почтением, с каким обходятся с клиентами служащие дорогих отелей, с заботливостью родителей; впрочем, с другой стороны, заслуживают ли такого отношения нынешние пассажиры, туристы нового типа? Они заплатили, их доставили в Венецию, и хватит с них!»

Самолет касается земли, со скрежетом тормозит и постепенно замедляет свой бег у самого края лагуны.

– *Well*³, – бормочет мистер Сильвера, вставая, – *well...*

Высокий рост придает ему вид некоторого превосходства над окружающими. Этому превосходству, однако, решительно противоречат его изрядно поношенный твидовый пиджак

³ Ну вот (англ.).

и прожженные сигаретами дырочки на полах плаща, который он натягивает на себя. Смешливая девушка-гид уже хлопочет вокруг своей группы; а паренек крестьянского вида рекомендует своему гораздо более многочисленному стаду сохранять дисциплину и спокойствие.

– *Well*, – вздыхает мистер Сильвера, снимая с полки сумку. Заметив, что его соседка-итальянка тщетно пытается дотянуться до своего чемоданчика, он достает его и протягивает ей рыцарским жестом.

– *Thank you*⁴, – говорит женщина.

– Аа... – отвечает мистер Сильвера, но глаза его смотрят куда-то вдаль.

Потом ему приходится заняться своей группой («*Please, please, Mr. Silvera!*»⁵): надо проследить, чтобы с полок были сняты все куртки, плащи, шарфы и сумки, чтобы были подобраны забытые на сиденьях пакеты, а еще приходится успокаивать нетерпеливых и подталкивать задержавшихся. Юная португалка следует за Сильверой, слегка опустив голову и пристально рассматривая его из-под красивых черных ресниц. У трапа мистер Сильвера и двое других гидов, стоя на ветру, пересчитывают своих туристов и разделяют группы.

Но не португалке Сильвера подает руку, чтобы помочь спуститься с последней ступеньки. Честь оказана итальянской синьоре, и этот жест исполнен какой-то отрешенной ме-

⁴ Спасибо (англ.).

⁵ Пожалуйста, пожалуйста, мистер Сильвера! (англ.)

ланхолии и взаимопонимания.

– *Thank you*, – снова говорит она серьезно.

– Аа... – произносит, не глядя на нее, мистер Сильвера.

И вот он уже ведет своих подопечных к аэровокзалу. Они шагают, дружно повернув головы к стальной трапедии лагуны: ведь ни одного пенса из их тарифа «Эконом» не должно пропасть даром. Группа смешливой француженки опередила их на паспортном контроле и на таможене, но потом все идет без сучка без задоринки – никто больше ничего не проверяет. В конце концов в зале прибытия мистер Сильвера снова собирает в кучку своих двадцать восемь туристов, чтобы не дать им разбрестись по барам и туалетам.

– *No, no*, – говорит он извиняющимся тоном, – *no cappuccino, please, ningún vino*⁶.

Они выходят на улицу, на ветер, но на площади нет ни одного автобуса. Тогда все бросаются к лагуне, которая начинается в нескольких метрах слева и исчезает вдаль за горизонтом. Четыре или пять стройных катерков с флажком на корме, причаленные к маленькой пристани, покачиваются на волнах вместе с чайками.

– Такси? – спрашивает один из водителей. – *Venedig, Taxi? Taxi, Venice?*⁷ – повторяет он, показывая на далекую точку, где-то вдаль за водным простором.

Туристы гида-«крестьянина», стоявшие ближе к воде, с

⁶ Нет, нет! Никакого капучино, пожалуйста (англ.), никакого вина (исп.).

⁷ Такси, Венеция? (нем., фр.)

криками и смехом уже погрузились на пузатый кораблик с кабиной.

Двадцать восемь туристов мистера Сильверы смотрят на него с укором: а как же мы?

– *No boat*, – решительно говорит он, – *no boat, ningún barco, sorry*⁸.

Тариф компании «Империа́л турс», объясняет он, не включает трансфер в Венецию морем, через лагуну. Компания предоставляет замечательный итальянский автобус, *a fine Italian coach*, ярко-красного цвета, и он проедет по знаменитому мосту.

– *A famous bridge?*⁹ – утешаются двадцать восемь.

Да, самый длинный мост в Европе, привычно лжет мистер Сильвера и направляет группу в обратную сторону, в сторону земли. А сам задерживается на несколько минут – проследить, чтобы багаж погрузили на моторную баржу кооператива носильщиков и отправили по правильному адресу.

Вот он стоит на пристани один и смотрит на лагуну, как надменный вельможа или как кондотьер, который наконец захватил гавань; а может быть, как тот, кто прощается с ней, кто потерял ее навсегда?

Одно из водных такси отрывается от берега, описывает по воде элегантную параболу и под крики чаек устремляется к Венеции. Рядом с кормовым флажком мистера Сильверы

⁸ Извините, катера не будет! (англ., исп.)

⁹ Знаменитый мост? (англ.)

видит в последний раз итальянку с рейса Z114, то есть меня.
– Аа... – бормочет мистер Сильвера.

И он не отвечает на мой прощальный жест, не поднимает руку, а его плащ, хлопая, развевается на холодном ноябрьском ветру, как изношенное, посеревшее знамя.

Вот так я встретила с ним, так я увидела его в первый и, как я думала, в последний раз.

Тогда я не придавала никакого значения тому, что мистер Сильвера работал гидом, можно сказать, массовиком-затейником, который сопровождает и развлекает тургруппы (бог знает, как это правильно называется). Я заметила, впрочем, с первого взгляда (в силу профессионального навыка), что он выделяется среди толпы пассажиров: профиль – как на античной монете. Впрочем, это не вызвало у меня особого любопытства, и даже не возник вопрос, что же может связывать его с такими заурядными людьми, которые без конца теребили его: «Мистер Сильвера, мистер Сильвера!» Я просто поместила его в свой воображаемый аукционный каталог: «необычный, немного таинственный пассажир»; и переключилась на собственные дела.

Сейчас, конечно, я не могу угадать, какое впечатление он произвел бы на меня, если бы я рассматривала его с точки зрения его профессии, которая подходит скорее бедным студентам, ищущим заработок на время летних каникул (сын Розы или дочь моей кузины Макки в течение нескольких лет подрабатывали экскурсоводами), но чтобы немолодой уже человек занимался этим в ноябре, да еще с туристами такого уровня... Это не могло вызвать ничего, кроме жалости. И, вероятно, синьор Сильвера исчез бы из моей памяти навсегда – с промелькнувшей мыслью типа «Смотри-ка, за какую

работу вынужден браться этот бедняга с седыми висками»; или, может быть, если учесть его фамилию, «Подумать только, до какой крайности дошел этот бедный еврей-сефард: чтобы как-то выжить, он должен заниматься таким делом». Неудачник, чуть ли не умирающий от голода, одним словом, *bum*, бомж, – бездомный бродяга. И при таком первом впечатлении у человека почти нет шансов снова подняться в моем мнении. Следовательно, потом все могло бы пойти совсем по-другому или даже вообще никак не пойти.

А между тем из-за моей невнимательности, случайной или вызванной легкой сонливостью, я вдруг задумалась о собственной профессии, в которой, как выясняется, немало общего с его работой. Мое дело тоже требует постоянных переездов, оно тоже в каком-то смысле бродяжническое. Мне приходится точно так же заискивать перед клиентами, глотать обиды и унижения, быть готовой потакать прихотям, льстить, успокаивать, подлаживаться к людям, иногда совершенно ужасным. Профессия, где ты встречаешься с красотой, ищешь ее, оцениваешь ее, комментируешь ее – и все это с полным равнодушием; ведь на самом деле ты как бы и не видишь красоту. Может быть, я преувеличиваю, но единственная разница между туристическим гидом и мной, кажется, вот какая: гид получает фиксированную, но до смешного маленькую зарплату (плюс мелкие чаевые), а мне платят хрустящими чеками, выписанными на престижные банки.

Итак, наши пути разошлись: он отправился со своими

овечками на автобусе, а я – на водном такси в отель на *Canal Grande*, то есть на Большом канале, где останавливалась в прошлые приезды и где обслуживающий персонал пытается имитировать гостеприимство старого доброго времени: «Как поживаете?», «Вы снова в Венеции!», «Как прошла дорога?», «Ну и погода!», «Для вас есть почта», «Сейчас я приготовлю вам “Манхэттен”... или, может быть, зеленый чай?». И так далее. Все это говорится с профессиональной фамильярностью, так, чтобы я почувствовала себя как дома, даже если с последнего посещения прошло несколько месяцев. И старый Томмазо, который управляет лифтом с серьезностью и важностью камергера времен Людовика XVI, тихо бормочет как бы про себя: «Все краше и краше!»

Да, он знает свое ремесло: он умеет сказать подобную фразу, давая понять, что это перевод на язык роскошного отеля грубоватого выражения «Вот это кадр!» или чего-нибудь еще более вульгарного, идущего прямо из его ослабевшего низа (а может, и не так уж ослабевшего?).

На ходу я бросаю взгляды в развешанные повсюду огромные зеркала в золотых рамах и констатирую, что здесь даже зеркала знают свое дело. Вижу (и сразу мысленно заношу в каталог, отмечая, конечно, «прекрасную раму в современном стиле») «Портрет молодой женщины», предположительно написанный «тосканским или умбрийским художником начала XVI века, в котором очевидно влияние Боттичелли и Липпи, с одной стороны, и Перуджино – с другой». Ра-

фаэллино дель Гарбо? Несмотря на современный дорожный костюм, характерный для франко-японской школы (в духе Иссэя Мияке), молодая женщина в зеркале очень похожа на изображения Мадонн кисти дель Гарбо, а также на прекрасную блондинку с картины «Дама в профиль» из парижской коллекции баронессы Ротшильд. (Эту картину Беренсон¹⁰, а вслед за ним и мой друг Дзери приписывают именно Рафаэллино.) Портрет тем более лестный, что Рафаэллино (или другой автор портрета) вежливо опустил примечание AETATIS SUAE XXXIV, то есть «в возрасте 34 лет», а значит, это число можно свести к тридцати годам или даже меньше.

В коридоре мы встречаем группу японцев, молча идущих по толстому ковру парами, как девицы-пансионерки. Только тут одни мужчины, и все в темных костюмах.

– По крайней мере, они тихие, – замечает Томмазо снисходительно.

– У вас их много даже не в сезон?

– Все больше и больше, во все времена года. Говорят, что это туристы, но, по-моему, они приезжают сюда, чтобы копировать Венецию. Увидите, вскоре они примутся строить свою Венецию, в точности такую же.

Эту шутку, я уверена, он произносил с успехом много раз.

– Впрочем, Венецию скопировать невозможно, – добавляет он с гордостью.

¹⁰ Бернард Беренсон (1865–1959) – известный американский искусствовед, специалист по итальянской культуре.

И все-таки я понимаю его опасения: каждый раз, когда я оказываюсь в Венеции, в городе, исхоженном множеством людей, мне начинает казаться, что миллионы восхищенных взглядов постепенно и незаметно разрушают его, как это делают набегающие на берег волны, что каждый взгляд крадет частичку Венеции, высасывает ее...

* * *

Даже не разобрав чемодан, я позвонила Кьяре, чтобы узнать, состоится ли назначенный на сегодня визит. Я должна была осмотреть собрание старых картин, ценность которых была пока неизвестна, и постараться устроить все так, чтобы, в случае если они того стоят, они достались «Фоуксу» – тому аукционному дому, на который я работаю. Кьяра же представляет этот дом в Венеции; два дня тому назад она договорилась о визите. Но в Венеции нельзя быть уверенным ни в чем. В этом городе, где никто никогда не спешит, все дела могут быть перенесены на следующий понедельник.

– Алло, Кьяра? Ну вот, я все-таки приехала, хотя чуть было не застряла на континенте. Так как? Все в порядке с нашим визитом в три?

В ответ я услышала не без досады (а досада обычна в нашей работе), что насчет трех часов все в порядке, а вот с картинами все далеко не в порядке: кто-то видел эту хваленую «коллекцию Званич» и говорит, что это просто куча мазни.

– Действительно, картины семнадцатого или восемнадцатого века, сказали мне, но – мазня.

– Кто же их видел?

– Вообще-то почти все. Приходили даже из Артнадзора, но уже известно, что они не будут препятствовать вывозу, кажется, что это просто «картины как предмет обстановки», как они говорят. Единственный, кто ими интересуется, – это Пальмарин.

– Зря, значит, я летела.

– Я пыталась тебя предупредить, звонила в Париж, но ты уже уехала... Слушай, раз ты уже здесь, не хочешь ли все же взглянуть на эти картины?

– Ладно, давай взглянем.

– И кажется, есть еще одно дело – какая-то вилла в Падуе; мне сказал про нее все тот же Пальмарин. Мы с ним поедem туда к пяти часам.

– Ну ладно, пусть будет и Пальмарин.

Потом я разобрала чемодан, приняла душ и позвонила моему доброму венецианскому другу Раймондо, чтобы напроситься в гости.

– Богиня! – восклицает он. – Ты что, мне снишься? Приезжай немедленно!

– Не могу, у меня деловое свидание.

– Тогда на ужин.

– Я на это и рассчитывала.

– Безумно рад!

Его постоянные преувеличения, произнесенные хриловатым голосом и ровным, нейтральным, но притом каким-то как бы торопливым тоном, всегда вызывают у меня улыбку. Раймондо вообще-то довольно злостный сплетник: он любит перебивать косточки знакомым. Меня, однако, он опасается, потому что я знаю его секреты и могу отплатить ему тем же. Так, однажды я случайно увидела, как он тащил тяжеленный чемодан какой-то старой немки, которая не могла занести его на мостик, где-то рядом с церковью Санта-Мария-деи-Фрари. Пытаясь отшутиться, он сказал, вздыхая:

– А что ты хочешь? В восемь лет меня изнасиловал вожакий моей скаутской группы.

– Нет, милый мой, теперь ты у меня в руках, – улыбнулась я, – теперь-то я знаю, что у тебя есть сердце.

Его небольшое палаццо в квартале Руга Джуффа, где всегда полно гостей разного рода и цвета, быть может, лучше всего представляет Венецию прошлых времен.

Я спустилась в ресторан, заказала без долгого раздумья камбалу по-французски и рассеянно оглянулась вокруг. И снова убедилась, что теперь в Венеции невозможно увидеть человека с живыми глазами и любопытным лицом. Окружающие (включая меня), потягивающие за столиками «Манхэттены» и «Беллини», выглядят как усталые командировочные, приехавшие сюда за счет университетов, международных ассоциаций, промышленных предприятий или знаменитых музеев. Даже у молодоженов, проводящих здесь медо-

вый месяц, ожидаешь увидеть бейджик, приколотый к лацкану, или чек для отчета о расходах, лежащий на столе рядом с сумочкой от Гуччи.

А снаружи по знаменитому каналу двигаются взад-вперед фигурки туристов, вклеенные в водные трамвайчики-вапоретто, как в начальный учебник этнографии. Вот кучка блондинов – немцев или скандинавов, рядом – гроздь желтых лиц, а дальше – смуглые испанцы или греки; каждая группа жметя к своему мистеру Сильвере. Даже если тогда я, честно говоря, совсем не думала о мистере Сильвере (что сегодня мне кажется совершенно невероятным и непростительным), то сегодня я хотела бы знать о нем все, каждую деталь и каждое мгновение его жизни.

Можно, однако, использовать воображение. Можно попытаться реконструировать, хотя бы в главном, то, как оно было.

Мистер Сильвера наконец-то убедился в том, что все его подопечные взошли на водный трамвайчик («*Vite, vite, madame Dupont!*»¹¹), и, пробившись сквозь толпу, оказался позади небольшой группы русских с выбритыми мясистыми затылками. К его спине прижимается юная португалка; девушка, покраснев, опускает глаза, когда он, обернувшись к ней, спрашивает, все ли в порядке: *Tudo okay?*¹²

В каждой тургруппе имеются: влюбленная в него девочка-подросток, две пожилые синьорины с неистощимой энергией, пара ссорящихся супругов, один ипохондрик, один вечно недовольный, ко всему придирающийся всезнайка и один сплетник, всюду сующий свой нос. Это все равно как путешествовать с набором образцов на продажу, думает мистер Сильвера, который за время своей долгой карьеры побывал и коммивояжером по продаже украшений: камни, дизайн и металлы каждый раз разные, но ожерелья все равно остаются ожерельями, а брошки брошками.

Он уже бывал в Венеции много раз в качестве гида, но хорошо знал город только таким, каким он был раньше, — и совсем в других, менее банальных обстоятельствах. Однако он никогда не говорит об этих его прежних Венециях; он

¹¹ Пожалуйста, побыстрее, мадам Дюпон! (*фр.*)

¹² Все в порядке? (*порт.*)

хранит их образы в закрытый отделах памяти и не использует в своей нынешней работе. Он мог бы показать своим двадцати восемью подопечным не очень известное палаццо, рассказать какую-нибудь забавную историю, связанную с той или иной колокольней, привести их в необычный сад, обратить их внимание на купол старинной церкви; но он ограничивается самым необходимым: мост Скальци, канал Каннареджо, Фбндако-деи-Турки, палаццо Ка-д'Оро, мост Риальто... Пропускает набережную Дель-Вин и, после некоторых колебаний, даже палаццо Бернардо.

– *Look, look, Mr. Silvera, a real gondola!*¹³

– Аа... – говорит мистер Сильвера. – *Yes, indeed!*¹⁴.

Он знает другие названия для местных суденышек (гондолино, каорлино, маскаретта...), но не упоминает их. Это бесполезно, говорит он себе, ведь все это не интересно никому, а тем более этим двадцати восемью.

В действительности же дело в том, что даже слегка прикоснуться к той тайной Венеции – городу парчи, золота, пурпура, хрусталя – невозможно без сожаления; во всяком случае та, другая Венеция не имеет ничего общего со схематичной, безличной Венецией компании «Империял турс».

Церкви Сант-Анджело и Сан-Томá, палаццо Реццбнико, Академия. Их трамвайчик проходит то с одной, то с другой стороны Большого канала, причаливает к пристани, с него

¹³ Смотрите, смотрите, мистер Сильвера, настоящая гондола! (англ.)

¹⁴ Да, действительно (англ.).

сходят тридцать датчан и на него поднимаются тридцать детей, возвращающихся из школы; и вот трамвайчик, этот бедный работяга, резко дернувшись, снова бежит к ближайшей пристани – настоящий водяной мул.

Его группа должна высадиться у Сан-Марко, чтобы осмотреть знаменитую площадь, базилику Сан-Марко и Дворец дожей. Но до этого надо поесть. Мистер Сильвера знает, что голодные туристы начинают нервничать; даже если их ведут через века – чтобы побывать при взятии Бастилии, при разграблении Рима или в битве при Фермопилах, все равно где-то около часа дня они начинают проявлять легкое беспокойство и обмениваться многозначительными взглядами и сыпать вопросами: «А когда будем есть? Что, вообще не будем обедать?» Всегда находится по крайней мере одна женщина, которая чувствует себя «зверски голодной», и другая, более предусмотрительная, открывает сумочку: «Можно предложить вам печенье, сеньора Гомес? Хотите конфетку, миссис Уилкинс?»

И обе смотрят с упреком на мистера Сильверу, который в течение нескольких минут рассказывает им про мост Вздохов и Джаккомо Казанову.

Поскольку все его двадцать восемь туристов думают, что Казанова то ли кончил свои дни в этой тюрьме из-за своих историй с женщинами, то ли сбежал оттуда благодаря влюбленной в него даме, мистер Сильвера не разубеждает их, а вместо этого пускает в ход такую беспроясненную шутку:

давайте выберем Казанову в нашей группе – прямо сейчас, здесь, на набережной Скьявони. Туристы громко смеются, распугивая чаек хохотом, и, наконец, выбирают сеньора Бустоса, живого мужичка лет пятидесяти, жена которого, конечно, польщена больше, чем он сам. Эта шутка будет развлекать их до конца вечера, потом она будет вспоминаться с перерывами в последующие дни, снова станет популярной к концу путешествия, а позже ее будет с удовольствием рассказывать сам сеньор Бустос. От тысячелетней Венеции Бустос запомнит только то, что там его случайные спутники выбрали его Казановой, *no less*¹⁵.

Мистер Сильвера смотрит на очертания близких и далеких островов: вода, вода повсюду, как океан в миниатюре, который бороздят во всех направлениях маленькие кораблики, и думает вслух по-испански: тысяча лет, этому городу тысяча лет...

Те, кто стоит рядом с ним, принимают это за ценную туристическую информацию и повторяют восхищенно: «¡Mil años! Thousand years!»¹⁶

– *Look, look, Mr. Silvera! The pigeons!*¹⁷

– Подойдем к ним! – командует мистер Сильвера, знающий, как надо обращаться с тургруппой.

И вот они под шум крыльев тысячи взлетающих голу-

¹⁵ Ни больше ни меньше (*англ.*).

¹⁶ Тысяча лет! (*исп., англ.*)

¹⁷ Смотрите, смотрите, мистер Сильвера, голуби! (*англ.*)

бей приходят на площадь Сан-Марко («Ooooo! Piazza San Marcooooo!»¹⁸); здесь мистер Сильвера оставляет их, чтобы они могли, в соответствии с традицией, фотографировать друг друга, а сам идет позаботиться об «уникальном венецианском обеде», включенном в бюджетную смету компании «Империял турс».

Он проходит под темной аркой, машинально наклоняя голову, идет по двум или трем улочкам (один раз все-таки ошибаясь в направлении) и, наконец, замечает вывеску «Золотая рыбка»; в этой пиццерии должны стоять два длинных стола с приборами на двадцать восемь человек в ожидании его группы. Но тут же он чутьем гида понимает: что-то пошло не так. На улице стоят запахи пищи, накопленные за тысячу лет, запахи тысячелетия туристических меню, но нет малящего, дымного, тяжеловатого запаха только что приготовленных блюд.

Оказывается, «Золотая рыбка» поменяла выходной день; раньше это всегда был понедельник. Картонка, прикрученная проволокой к двери, гласит: «Закрито по вторникам».

Не предупредили, не послали телекс в Лондон; ну да, такие заведения не посылают телексы ни в Лондон, ни в какие другие места.

Мистер Сильвера стоит некоторое время в задумчивости, поднимает глаза к болтающейся вывеске, на которую села чайка, – наверно, в поисках остатков пищи.

¹⁸ Ooooo! Площадь Сан-Маркоoooo! (ит.)

Резкий стук каблучков в переулке внезапно затих. На углу стоит юная португалка, вся красная, руки сжаты, но голова высоко поднята.

– Аа... – бормочет мистер Сильвера.

* * *

Бронзовые и неподвижные, со своими длинными молоточками, два мавра Часовой башни Святого Марка балансируют между цифрами 1 и 2. Возвращающиеся из ресторанов тургруппы текут теперь к Кампаниле, Дворцу дождей и Базилике. Мистер Сильвера выходит из-под арки на залитую солнцем ветреную площадь и сразу видит свою группу на противоположной стороне колоннады. Туристы редко рискуют пойти куда-то в одиночку – боятся потеряться. Тут сказывается и отсутствие любопытства, и робость, и незнание местного языка (Сильвера же в совершенстве владеет никто не знает сколькими языками, а многие успел выучить и забыть); а в данном случае проявляется еще и то, что они называют «голодом».

И вот они маршируют ему навстречу, напоминая делегацию взбунтовавшихся матросов. В этот момент Сильвера поднимает обе руки, показывая им две грозди пузатых синих пластиковых пакетов.

– *Food!* – кричит он. – *Drinks! Vino!*¹⁹

А за ним идет сияющая и раскрасневшаяся юная португалка и несет бутылки с вином и еще два пакета с сэндвичами, маленькими пиццами и напитками. Мистер Сильвера позволил ей сделать именно то, чего она так хотела: поделился организационными трудностями, попросил у нее совета и помощи, и они вместе отправились в бар-закусочную, где накупили (на деньги, предусмотренные компанией «Империял турс» для чрезвычайных случаев) всего в количестве, достаточном для подкрепления усталых путешественников.

– *Picnic!*²⁰ – кричит мистер Сильвера. – *Picnic!*

Не говоря этого прямо, он умудряется создать впечатление, что пикник на площади Сан-Марко – это красивый и оригинальный сюрприз, специально запланированный компанией.

Кое-кто ворчит, но быстро сдается. Идея нравится всем, будет что потом рассказывать.

Мистер Сильвера выбирает как бы случайно двух женщин и одного мужчину (на самом деле он их, разумеется, наметил уже раньше) и доверяет им сложную задачу распределения пищи. Подобно голубям, его туристы с трудом умещаются на ступеньках вдоль колоннады и начинают клевать импровизированный обед. Кто-то ищет бумажную салфетку, кто-то проливает вино или оранжад на брюки, а кто-то фотогра-

¹⁹ Еда! Питье! Вино! (англ., исп.)

²⁰ Пикник! (англ.)

фирует снизу эту достойную запечатления сцену.

Мистер Сильвера стоит, прислонившись к колонне, в нескольких метрах от группы. Девочка-португалка подходит к нему с сэндвичем и пивом; но он мягко отклоняет ее предложение: нет, нет, спасибо, я не голоден, я перекушу позже... Он не говорит, что мысль о еде в этот момент кажется ему крайне неприятной; тем не менее девочка, вернувшись к отцу, начинает жевать свой сэндвич неохотно, как бы чувствуя, что совершает предательство.

II. Дубовая дверца вделана в узкий фасад...

1

Дубовая дверца вделана в высокий узкий фасад, выкрашенный когда-то в цвет знаменитой венецианской красной охры, а нынче выцветший от времени. Такая дверь может вести лишь в три низенькие комнатушки, где бедный ремесленник чинит старые утюги при свете голой лампочки. Покосившиеся деревянные ставни когда-то были зелеными. Окна обрамлены наличниками из потемневшего пористого камня. И вся эта крохотная площадь, окаймленная дюжиной самых заурядных домов, имеет какой-то нежилой вид, напоминая

некогда крепкую, а нынче атрофированную без работы мышцу.

Конечно, настоящий вход в дом должен был быть с другой стороны, выходящей на канал, где когда-то колыхалась пришвартованная к сваям собственная гондола. Но теперь позволить себе такую роскошь не может никто, точнее, ни один венецианец. Несколько богатых иностранцев – миланцы, американцы, швейцарцы – пару лет поддерживали эту старую традицию, а потом заменили гондолу на более практичный катерок или вообще стали тоже пользоваться дубовой дверцей.

Впечатление, когда нажимаешь на звонок, такое, будто он не работает уже много месяцев, более того – словно вся система сломалась несколько десятилетий назад. Никакой тебе трели, никакого жужжания не достигло наших ушей, когда Кьяра нажала на современную пластмассовую кнопку (под ней – картонка с фамилией Званич, напечатанной на машинке). Но он явно прозвучал в глубине дома и, наверное, разбудил старую полуглухую служанку, которая, волоча распухшие ноги, бредет к двери темными коридорами...

Однако вместо шаркающих шагов мы услышали, как кто-то стремительно и с грохотом пробежал по лестнице – как будто большие собаки на гонках с препятствиями. И затем дверь резко распахнули два юноши – красивые блондины, в свитерах и кроссовках. Это внуки хозяйки, о которых мне уже говорила Кьяра; отец их умер, а мать снова вышла замуж

в Америке. Они учатся в Милане, сюда приехали навестить бабушку, которая и есть владелица коллекции.

Еще задыхаясь от бега наперегонки, они приветствовали нас очень церемонно – наклонившись, поцеловали руку. Старший брат был пострижен почти наголо, а у другого непослушные вихры торчали во все стороны. Братья ввели нас в просторный вестибюль со следами постоянных наводнений (мраморные плитки пола лежали неровно), а оттуда мы поднялись по лестнице, облагороженной бюстами XVIII и XIX веков, в верхний вестибюль.

Между широко расставленными дверьми, под сводом с фресками на мифологические сюжеты длинные запыленные диваны застыли как бы в ожидании танцоров. Серый кот, задрав хвост, неторопливо прошествовал под огромным светильником; когда Кьяра наклонилась, чтобы погладить его, он быстро убежал. Еще один пролет, и лестница сузилась; ступеньки теперь стали другие, из грубо отесанного камня. На площадке мы увидели старинный паланкин с ободранной кожаной обшивкой; дверца была прикручена проволокой.

– Мдааа... – пробормотала Кьяра вполголоса.

– Ну да, знаю, – отозвался с полным равнодушием внук постарше.

Еще через одну дверь мы проникли в коридор с низким потолком; по одной стене шли многочисленные оконца. Потом мы прошли через чулан со сваленными в кучу старыми стульями и креслами с изломанными ножками и спинка-

ми. Затем за красно-коричневой занавеской из тяжелой, изъеденной молью ткани мы спустились по двум ступенькам и, круто повернув, оказались в своего рода прихожей, без окон, которую еле-еле освещала единственная лампочка. Посреди комнаты стоял длинный стол и две деревянные лакированные скамьи.

Вокруг на стенах, покрытых пыльной потрескавшейся штукатуркой, были развешаны картины коллекции. Этих картин было штук тридцать, и они висели в один или два ряда в зависимости от размеров, каковые, впрочем, были примерно одинаковы – от нескольких десятков сантиметров до метра в ширину.

– Ну, я иду вниз к бабушке, – объявил стриженный брат. – А он (показывая на брата и на две стоячие гибкие лампы) поможет вам наладить освещение, если захотите разглядеть картины получше.

Мы поблагодарили его. Длинноволосый брат тут же уселся в кресло и погрузился в чтение комикса, а мы медленно двинулись вдоль стены с картинами.

Ничего сенсационного, по крайней мере на первый взгляд, обнаружить не удалось. С другой стороны, опять-таки на первый взгляд, коллекция разочаровывала меньше, чем можно было ожидать, судя по информации Кьяры. Поздние и очень поздние подражания Тициану и Джорджоне, Тинторетто и Веронезе, подражания уже «третьего поколения»; между ними могут спрятаться работы одаренного и

изобретательного Падованино, обманчивого и иногда вдохновенного Пьетро Либери, прихотливого Пьетро делла Веккья или другого имитатора великих художников XVI века.

Это картины третьего сорта – не слишком щепетильные торговцы охотно выдают их на зарубежных рынках за «венецианское искусство золотого века». Однако сегодня они снова поднимаются в цене – между тридцатью и шестьюдесятью, даже восьмьюдесятью миллионами лир²¹ за картину – на более специализированном итальянском рынке. На аукционе «Фоукса» во Флоренции пара картин делла Веккья под Джорджоне или какие-нибудь тициановские красавицы, написанные рукой Форабоско, пошли бы хорошо.

Но после второго обхода и без дополнительного освещения стала очевидной неаутентичность всех картин: это продукция XVII века, подлаживающаяся под XVI. Совершенно пресное «Собирание манны» и эмфатико-механистический «Экстаз святого Андрея»; «Мученическая смерть» нескладного святого Стефана, висящая между двумя порхающими «Вознесениями»; пышные и разукрашенные или бледные и мучнистые портреты дам и кавалеров; пухлые розовые «Венеры» и голенькие «Купающиеся Сусанны» на фоне фарфорово-прозрачных пейзажей; свирепый Муций Сцевола у алтаря; да еще несколько «Мадонн ди Лоретто», «Мадонн дель Парто» и «Кормящих Мадонн». Вся эта, с позволения ска-

²¹ Во время действия романа – восьмидесятые годы XX века – одна тысяча лир стоила немного меньше одного доллара США. – *Прим. ред.*

зять, живопись не отражает возрожденческие устремления, а представляет собой грубую переработку традиционных сюжетов в духе рококо или неоклассицизма, в соответствии с отныне узаконенным венецианским вкусом к подделкам, плагиату и обману.

Единственное, чем можно было восхититься в этой коллекции, – это удивительная последовательность человека, который ее собирал; возможно, разбогатевший коммерсант, дальний родственник (двоюродный дед или даже прадедушка) теперешней бабушки. Создавая эту «патрицианскую галерею», он действовал в соответствии со своим эстетическим ханжеством или преувеличенным преклонением перед «антиком» – и в меньшей степени с врожденным стремлением к экономии.

Лохматый внук замечает, что мы остановились, и вопросительно поднимает голову.

– Может быть, вам осветить какие-нибудь картины получше? – спрашивает он. – Включить лампы?

– Наверно, не надо, незачем, – ответила я, не удержавшись.

Он слегка пожал плечами. Видимо, из комментариев других посетителей он уже понял, что эта унаследованная от предков коллекция стоит мало или вообще ничего не стоит.

– А все-таки, – сказал он, закрывая свой комикс и вставая, – все эти картины – старинные. И Артнадзор не будет вмешиваться. Их все можно вывезти за границу.

Он говорил скептическим тоном — видимо, из комментариев других посетителей, а может, и самостоятельно, понял, что такого рода картины лучше всего продавать в странах, максимально удаленных от Италии. Но по внезапно повзрослевшему взгляду и жадной, нарочито благоговейной улыбке, сопровождавшим слова «старинные картины», мне показалось, что свет нам включает не прапраправнук, а тот самый прапрапрадед, торговец и коллекционер-самоучка, освещавший когда-то керосиновой лампой свою бесценную «галерею».

* * *

Хотя наша экскурсия заняла не больше часа, мы совершенно окоченели.

Впрочем, пребывать в холоде, пыли и мрачной тишине — это та цена, которую почти всегда платишь в нашем ремесле: ведь старые вещи — красивые, безобразные или просто никакие — оказывают на тебя некое физическое воздействие: их настоящая веками сила постепенно проникает в твои пальцы, ноги, кожу, сообщая им твердость дерева и железа, холод мрамора, передает трещины старинного холста или источенной червями бумаги.

Двигаясь как марионетки, на одеревеневших ногах, мы спустились к бабушке. Кьяра описывала ее мне как совершенно дряхлую старуху, и я ожидала увидеть скрюченное

привидение с пустым взглядом, бормочущее неизвестно что. Но так не могло быть при двух внуках подобной стати. Даже сидя перед едва горящим камином, бабушка сохраняла величественную осанку: полные прямые плечи под пунцовой шалью, красивая гордая шея, волнистые белокурые волосы с проседью, румяное пухлое лицо, лишь слегка тронутое морщинами.

– Вы тоже пришли посмотреть наши картины? – сказала она звучным голосом. – Приходит много людей, только что приходили двое других.

С ее шеи, ушей и запястий свисал целый ювелирный магазин: ожерелья, серьги, браслеты. Она начала хвалить свою «коллекцию», говорила, что семья сохраняла ее с величайшим тщанием, во время войны отправила в Милан, поскольку в Венеции не было подвалов, а австрийцы могли прорвать фронт герцога Аостского и дойти сюда от Капоретто, была даже слышна канонада. И тогда они вместе с Домэнико Сгравати стали заворачивать картины в клеенку и укладывать в ящики. А потом перевезли их на гондоле на материк, а оттуда на автомобиле к дяде Альвизе...

– Бабушка, подкинуть еще дров? – спросил стриженный внук.

– Мне-то не холодно, – ответила она снисходительно. – Но если вы хотите...

Излишне теплые помещения, уточнила она, вредны для здоровья, и для картин тоже. Поэтому она их держит наверху

в специальной комнате без окон, потому что свет тоже опасен для картин, портит краски, как утверждал один ее родственник из Триеста, а он в этом понимал; он и посоветовал держать картины именно там, много лет тому назад. И там они и висели все время, каждая на своем гвозде, в тени и при правильной температуре.

– Но мы-то не картины, – пробормотал стриженный внук, орудуя кочергой. Его брат открыл дровяной ящик, наполовину заполненный, и бросил в камин три или четыре полешка.

– Ох уж эта нынешняя молодежь... – вздохнула бабушка.

Ее белокуро-седая голова медленно повернулась (как у испорченной заводной куклы), и широко раскрытые глаза уставились на соседний овальный столик; на нем стояли, в серебряных и черепаховых рамках, фотографии людей разного возраста и в разных одеждах, сделанные в период от конца прошлого века до середины нашего; но все фотографии были настолько бледные и выцветшие, что встретиться взглядом с представленными на них людьми было невозможно.

После обращения к прошлому обычно наступает длинная пауза, полная душещипательной грусти, и ее нелегко прервать. Собеседники запинаются, путаются в объяснениях, повторяются, говорят банальные вещи, и это наводит тоску.

Наконец, глядя на потрескивающие в камине поленья, я сказала бабушке, что мы уже посмотрели коллекцию, теперь нам надо обсудить наши впечатления, и, если картины нас

заинтересуют для флорентийского аукциона, я дам ей знать.

– Хорошо, хорошо, отлично, – согласилась она. – Картины очень ценные. Поглядеть на них приезжают люди даже из Лондона и Нью-Йорка. Венецианская живопись – самая прекрасная.

Стриженный внук повел нас обратно к выходу, привычно жалуясь на налоги, проблемы с передачей наследства, траты на содержание дома, на что уходит все семейное достояние кусок за куском: уже проданы и загородная вилла, и ценные бумаги, теперь очередь коллекции, а скоро и сам дом уйдет с молотка...

Я даже невольно посочувствовала ему. Но когда мы вышли на убогую маленькую площадь, мне вдруг пришли на ум хрустальные башни небоскребов Нью-Йорка, обнаженные, острые, отражающие друг друга, как бы входящие одна в другую; своим сиянием утверждающие цельность и несокрушимого настоящего.

Дворцом дождей они остались довольны; в целом он им понравился, кроме узкого перехода с боковыми окошками (напоминавшего салон самолета). Посреди этого перехода мистер Сильвера их неожиданно остановил: знают ли они, где находятся?

– *No, no, where are we? Où sommes-nous? ¿Dónde estamos, Mr. Silvera?*²²

Только юная португалка (которую зовут Тина; так, по крайней мере, называл ее отец) прошептала тихо, напряженно вглядываясь в окна, покрытые пылью:

– *Talvez o ponte...*²³

Правильно: знаменитый мост Вздохов, где тяжело вздыхали несчастные, когда их волокли в тюрьму Пьомби. Одно дело – смотреть на него снаружи, а совсем другое – идти путем осужденных. *On le goûte mieux*, «так лучше чувствуешь», как выразила общее настроение мадам Дюран.

Сама тюрьма, однако, разочаровала их – после такого драматичного представления они ожидали большего; и собор Сан-Марко внутри тоже разочаровал – там было слишком темно. Почему не предусмотрено лучшее освещение? Но больше всего было дискуссий и удивления по поводу знаме-

²² Нет, нет, а где же мы? (англ., фр., исп.)

²³ Наверное, мост... (порт.)

нитой Золотой алтарной пластины на гробнице святого Марка: неужели она вся из золота, как написано на входном билете? Все двадцать восемь туристов продолжали спорить на эту тему, в то время как мистер Сильвера уже вел их к следующей достопримечательности.

Защитники пластины говорили, что прежде всего надо оценивать ее художественные достоинства; кроме того, даже если она из серебра, ее золотое покрытие уже само тоже весит очень прилично. Тут возникли разногласия: кто говорил – два килограмма, кто – три, а кто-то – даже десять. *What do you think, Mr. Silvera?*²⁴

Но мистер Сингх с женой – то ли бенгальцы, то ли сингалезы – продолжали чувствовать себя слегка обманутыми, и их враждебное ворчанье прибавлялось к недовольству тех, кому пикник не понравился или пришелся не по желудку. Потом поднялся холодный ветер, и он мешал всем, даже мадам Дюран, наслаждаться видом каналов и парапетами маленьких мостиков (где слишком много ступенек), по которым их водил мистер Сильвера. Далеко ли еще до знаменитой площади Сан-Джованни-э-Пáоло? Можно ли добраться туда на вапоретто? А если начнется дождь?

Многие стали думать, что все идет не так, как следует, и что виноват в этом мистер Сильвера: он совсем перестал их развлекать, думать о них, а вместо этого увлеченно рассматривает какие-то трущобы, никому, кроме него, не интерес-

²⁴ А вы что думаете, мистер Сильвера? (англ.)

ные: окна, закрытые заплесневевшими жалюзи, выщербленные ворота, стены с отвалившейся штукатуркой на фоне обломанных жидких деревьев.

Сейчас они пересекают большую площадь Санта-Мария-Формоза; хотя до вечера еще далеко, небо – низкое и темное, как бывает обычно вне сезона. И тут становится очевидным контраст с другими группами, с которыми они встречались: у них гиды – живые, активные и все прекрасно организовано. Вот люди из группы француженки идут навстречу бодрым шагом и оживленно размахивают разноцветными пакетами.

– Мурано! – кричат они. – *Souvenirs!*²⁵

Тут самое время показать свои приобретения, но девушка-гид гонит их вперед, со смехом размахивая поднятой рукой и постукивая пальцем по циферблату часов:

– *Vite, vite, les enfants!*²⁶

Группа компании «ИмпериаЛ турс» замедляет свой шаг и смотрит на удаляющихся с завистью. Ведь их агентство включило в программу не только обед в ресторане, но и экскурсию на знаменитый остров (где покупать сувениры дешевле и лучше), а нас вместо этого отвели в никому не известную, нигде не упоминаемую церковь Сан-Джованни-э-Паоло. Мрачное выражение лица мистера Сингха делается еще мрачнее, он смотрит на свою жену, которая начинает

²⁵ Сувениры! (*фр.*)

²⁶ Быстрее, быстрее, детки! (*фр.*)

визгливо говорить ему что-то на непонятном языке, а потом обращается к мистеру Сильвере. Ее протест превращается в поток слогов, непонятных, пронзительных, стремительных, поспешных, но между которых несколько раз проскакивает «Мурано», сказанный тоном откровенно требовательным и угрожающим.

Мистер Сильвера делает еще несколько шагов, останавливается и оборачивается.

– Аа... – говорит он тихо, – мистер Сингх!

Все мгновенно останавливаются, никто не двигается, но вокруг мистера Сингха уже образовалась пустота. Даже его жена отходит от него. И Тина, отпустив руку отца, застывает посреди мокрой площади, в своих голубых джинсах и прозрачном розовом плаще. А Сильвера спокойно объясняет.

Успокойтесь, говорит мистер Сильвера, и не забывайте, что вы и ваши спутники пробудете здесь лишь короткое время. Вспомните, что вас ожидают другие земли и другие моря. А сейчас радуйтесь знаменитой площади Сан-Джованни-э-Паоло, с ее знаменитой церковью и знаменитой Школой Сан-Марко (теперь это городская больница) и еще более знаменитым памятником Коллеони. И не забудьте, что мы должны вернуться на набережную Скъявони до шести часов. Так что мы не можем себе позволить...

Смысл этой речи был ясен всем, хотя произнесена она была не по-английски, не по-французски, не по-португальски, не по-испански. Даже сам Рай Раджанатх Сингх, этот злопы-

хатель, только в самом конце ошеломленно осознает, что тип из «Империял турс» говорил с ним на его родном языке.

Теперь все снова отправляются в путь по все более узким улочкам и переулкам, известным, по-видимому, только мистеру Сильвере. И когда мимо большой полуразрушенной церкви они выходят прямо к черному Кондотьеру на коне, они даже не замечают, что пошел дождь.

«Торговля антиквариатом процветает на банкротствах, страданиях и смертях», – торжественно объявила мне однажды старуха Мандельбаум своим хриплым голосом, когда мы сидели в ее знаменитой квартире на Авенида Кинтана в Буэнос-Айресе.

Но Кьяре не довелось пить чай со старой Мандельбаум. Кьяра не видела, как она курит свои черные сигары – черные, как ее немногие оставшиеся зубы, – и поэтому отказывается признать, что мы на самом деле настоящие стервятники: набрасываемся на добычу с жадностью голодных шакалов. Кьяра же называет меня циником до мозга костей и настаивает на своей миссионерской роли, примеряя тогу благородного судьи-опекуна – как будто картины коллекций, которые мы рассеиваем по свету, – это негритята или детишки-азиаты, спасаемые нами от голодной смерти. Но разве мы отдаем наши приобретения только в хорошо оборудованные музеи, профессиональным и порядочным галерейщикам или коллекционерам с незапятнанной репутацией, а не просто людям, которые думают лишь о выгоде?

Сейчас Кьяра была преисполнена сострадания: какое разочарование ждет владелицу этих ничего не стоящих картин, веками сохранявшихся с такой любовью!

– Хорошо, что она почти выжила из ума, – сказала Кья-

ра. – Она поручит все внукам и постепенно смирится с тем, сколько они сумеют за них выколотить.

Но мне совсем не показалось, что старая синьора выжила из ума.

– А у меня впечатление, что именно она принимает все решения, – возразила я.

– Все равно она бедняжка. Ведь она думает, что владеет чем-то ценным. И так всегда с семейными коллекциями: от поколения к поколению голова кружится все больше, и люди начинают воображать, что их мансарда наполнена Тицианами и Веронезе... Мне так грустно, когда приходится объяснять им, что их драгоценный Лотто или Пальма Веккьо – это всего лишь копия, и к тому же дурная, сделанная два века спустя. От этого мне прямо-таки плохо делается.

Кьяра – чудесный человек и прекрасный сотрудник, она активно добывает нужную информацию, но живет она – как бы поточнее выразиться – эмоциями, написанными двумя веками позже оригинала. Все ее восторги, негодования, восхищения отдают второсортной мазней, даже «великая страсть», которая подвигла ее на переезд в Венецию, никогда не казалась мне подлинной, не была оригиналом на сто процентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.